

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.
Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. Ред.),
д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов,
д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров,
канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)
Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**

Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка**

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по приказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)**

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (16581743)**

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**

Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**

Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 17921794 гг.**

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение**

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 17891799 гг.**

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)**

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Олег Валерьевич Соколов

ВЫСШИЕ ОФИЦЕРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО 1792-1794 гг.

В последнее время проблемы истории и организации армии в период Великой французской революции привлекают все большее внимание зарубежных и прежде всего французских исследователей. Однако эта тема остается весьма малоизученной. Кроме рассказа о битвах и перечислений частей, желательно получить, наконец, анализ военного социума, а именно: процесс складывания корпоративного духа, эволюцию иерархических взаимоотношений, материальное положение командных кадров... Эти сюжеты, без сомнения, помогли бы осветить общую историю термидорианского Коинвента и Директории»,¹ — отмечает Дени Вороноф в своем исследовании, посвященном истории I республики от Термидора до Брюмера. То же самое можно сказать и по поводу предшествующего периода.

Работы Ж. П. Берто,² С. Скотта,³ а также более ранние

¹ Woronoff D. La république bourgeoise de Thermidor à Brumaire. Paris, 1972. P. 8.

² Bertaud J. P. 1) La révolution armée. Paris, 1979; 2) Valmy, la démocratie en armes. Paris, 1970.

³ Scott S. The response of the royal army to the French revolution. Oxford, 1978.

труды Ж. Сиса⁴ и ряда других исследователей ответили на ряд важных вопросов этой темы. Но до сих пор мало изучена проблема высших командных кадров (взятых в целом), хотя биографии многих военных деятелей разработаны довольно подробно.

В советской историографии эти темы практически еще не затронуты, за исключением коротких разделов в общен исторических трудах и нескольких работах (см., напр.: Дживелегов А. К. Революционная армия и ее вожди. М., 1923). Мы попытаемся на основе рассмотрения работ современных французских историков, а также используя данные справочных публикаций (таких, как биографический словарь Ж. Сиса по генералам и адмиралам Революции и Империи),⁵ осветить в известной степени этот вопрос.

К концу 1793 г., благодаря решительным мерам Конвента, численность французской армии, защищавшей молодую республику от интервенции феодальных держав, возросла до огромной цифры (почти миллион человек), что создало условия для поворота в ходе войны. Однако вследствие резкого увеличения численности войск остро встала проблема командных кадров и в особенности высших. Если необходимое количество младших офицеров могло быть получено за счет производства унтер-офицеров, выходцев из народа, то с генералитетом и штабами дело обстояло сложнее.

Генералы старой армии все более открыто переходили на сторону реакции. 1 апреля 1793 г. главнокомандующий Северной армией генерал Дюмурье арестовал комиссаров Конвента Камю, Кинетта, Ламарка и Банкаля вместе с военным министром Бернонвилем, посланных в его ставку, и вечером того же дня выдал их врагу. Затем он безуспешно пытался поднять своих солдат против Республики, но, убедившись в тщетности этих попыток, бежал к австрийцам в сопровождении принца Шарльского, герцога Монпансье и нескольких офицеров.

Эта измена послужила поводом к существенным изменениям в кадровой политике комитета общественного спасения. Если дворяне, не исключая наиболее знатных, по-разному восприняли революцию вначале и подчас активно поддерживали происходившие социально-политические перемены, то с углублением революционного процесса вследствие радикальных мероприятий, проводимых якобинцами, высшие слои дворянства вольно или невольно оказались в лагере контрреволюции. А именно к этим слоям и принадлежали почти все из 1142 высших офицеров, состоящих на действительной службе накануне революции.

Из 11 маршалов один был принцем, пятеро герцогами, чет-

⁴ Six G. Les généraux de la révolution et de l'Empire. Paris, 1947.

⁵ Six G. Dictionnaire biographique des généraux et des amiraux de la révolution et de l'Empire. Paris, 1934.

веро маркизами и один графом. Из 196 генерал-лейтенантов только 9 были нетитулованными дворянами, остальные — герцоги, маркизы, графы. Наконец, даже не входившие в число высших офицеров 109 полковников были практически все из родовитого дворянства — 9 принцев, 5 герцогов, 25 маркизов, 12 виконтов, 7 баронов и только 6 нетитулованных дворян.⁶ И это вполне понятно. Не только обычаи и традиции феодального общества вставали на пути ротюрье к генеральским эполетам, но и прямые запреты правительства. В эдикте от 1760 г. указывалось, что только дворянство, представленное ко двору, имеет право получать звание полковника,⁷ а королевский ордонанс от 22 мая 1781 г., хотя и не полностью закрывал ротюрье дорогу к офицерскому званию (это убедительно показал в своей статье Жорж Сис),⁸ тем не менее очень сильно затруднял продвижение по службе тем, кто не мог доказать «четыре четверти дворянства».

Не случайно поэтому высшее офицерство стало одним из главных оплотов реакции и контрреволюции. Преобладающее большинство генералов эмигрировало, другие ушли в отставку, третьи оставались на своих постах, но в любую минуту готовы были пойти на сделку с врагом.

«Без сомнения, среди бывших дворян могут встретиться настоящие санкюлоты, но речь идет не о личностях, надо полностью очистить армию... если мы хотим избежать измены, нужно полностью отстранить от армий привилегированную касту», — провозглашал Дюэм в сентябре 1793 г. с трибуны Конвента.⁹

Выбирая между «изменой и незнанием»,¹⁰ якобинское правительство не колебалось. На все самые высшие посты решительно выдвигались талантливые люди, хотя подчас и не имеющие большого боевого опыта. Буквально за один-два года командование французской армии неузнаваемо переменялось.

Если еще в начале 1793 г. (когда старая армия, хотя уже и сильно измененная, продолжала существовать) только 14 из находившихся тогда на службе 195 генералов¹¹ начали свой послужной список со звания рядового или унтер-офицера, то к концу года их уже было десятки, а в конечном итоге за все время революционных войн их число достигнет 171.¹²

⁶ Dugué. L'Armée royale en 1789. Paris, 1888; Roussel. État militaire de France pour l'année 1787. Paris, 1787.

⁷ Bertaud J. P. La révolution armée. P. 40.

⁸ Six G. Fallait-il quatre quartiers de noblesse pour être officier à la fin de l'Ancien régime // Revue d'histoire moderne. 1929. P. 47—56.

⁹ Leveurier J. La naissance de l'armée nationale 1789—1794. Paris, 1939. P. 151.

¹⁰ Ibid. P. 152.

¹¹ Scott S. The response of the royal army to the French revolution. P. 200.

¹² Six G. Les généraux... P. 321.

Социальный состав нового командного состава стал совершенно иным. Если 20 апреля 1792 г. на службе оставалось 135 генералов и только 18 из них не являлись представителями бывшего привилегированного сословия, то уже в январе 1793 г. — 139 дворян и 63 ротюрье. Наконец, после якобинской чистки армии к 1 января 1794 г. в армии на высших командных постах осталось 62 дворянина и 275 выходцев из третьего сословия.¹³

Отмечая резкое изменение социального состава высшего офицерства, необходимо все-таки отметить, что дворяне не только не исчезли полностью из штабов, но и продолжали играть там немаловажную роль. Несмотря на яростную кампанию, которую повели «бешеные» против пребывания дворян в армии, на то, что 5 апреля 1793 г. Конвент декретировал, что в генералы и офицеры штаба могли производиться только те, кто не принадлежал к «бывшим»,¹⁴ республиканское правительство не могло совсем отказаться от помощи военных специалистов старой армии. Это понимал, в частности, и военный министр Бушот, который не пошел в данном вопросе на поводу у парижских санкюлотов (последние были весьма настойчивы). 31 мая 1793 г. Парижская коммуна представила Конвенту петицию: «Мы требуем отставки всех офицеров-дворян, занимающих высшие командные посты в армиях республики».¹⁵ На ночном заседании Коммуны со 2 на 3 июня по требованию Шометта Генеральный совет провозгласил, что «никакой гражданин из бывших или неприсяжный священник не имеют права исполнять обязанности офицера или гражданского чиновника».¹⁶

«Никаких дворян, никаких дворян! Дворяне нас губят!»¹⁷ — заявлял в это же время Эбер.

Тем не менее 5 июня Конвент все же принял постановление, согласно которому «будет несправедливо исключать из администрации священников, которые женились, и дворян, которые своей революционной деятельностью хорошо послужили отечеству».

Именно поэтому, как уже отмечалось, на службе в 1794 г. оставалось более 60 генералов из дворян. Среди них и знаменитый Келлерман (из дворянства мантии), и будущие маршалы Империи — Груши, Периньон, Серюрье, Макдональд¹⁸ и сам Бонапарт, произведенный в бригадные генералы в 1793 г. пред-

ставителями Конвента Робеспьером-младшим и Саличетти и подтвержденный в своем звании 6 февраля 1794 г.¹⁹

Однако республиканское правительство, сохраняя представителей «бывших» на командных постах, бдительно контролировало их действия, порой даже чрезмерно. Поэтому Бонапарт, например, предпочел скрыть свою принадлежность к привилегированному сословию и в ответе на анкету, предложенную ему 19 января 1794 г., в графе происхождения написал — «не дворянин».²⁰ Серюрье, будучи сначала произведен в полковники, был отстранен от службы как аристократ, но, обратившись с просьбой взять его в армию просто как рядового гренадера (ему было 50 лет), заслужил уважение представителей народа и вскоре в 1793 г. был назначен бригадным генералом.²¹ Дворянин Этьен-Жак Макдональд, которому в этом же году было двадцать восемь лет, был внезапно произведен в бригадные генералы. «Это был удар грома, — пишет он, — хотя я уже в течение нескольких месяцев исполнял обязанности генерала, но, по крайней мере на мне не лежала ответственность звания. Я напрасно доказывал, что я молод, неопытен — ничего не хотели слушать. Нужно было подчиниться своей судьбе, чтобы не быть объявленным подозрительным и арестованным».²²

Когда же пришли из Парижа указания о серьезной чистке штабов, молодой офицер сам попросился в отставку, но «мою службу и мое поведение похвалили, — рассказывает Макдональд, — главнокомандующий попросил у комиссаров оставить меня. . . Они пригласили меня к себе и там объявили, что в силу их полномочий они обязывают меня служить. Я ответил, что это хорошо, но что пусть они письменно подтвердят, что если я потерплю где-нибудь поражение, меня не осудят за измену. . . Они отказались. . . Тогда я заявил, что покидаю армию. Если ты покинешь армию, мы арестуем тебя и будем судить. Нужно было подчиниться и оставаться, несмотря на опасность. Только успехи могли меня защитить и спасти».²³

Беспокойство молодого генерала вполне можно понять, если обратиться к цифрам. Молот республиканского правосудия бил по штабам со всей жестокостью. Немало представителей народа действовали, подобно Мильо, который гордился тем, что «без страха брался за густую золотую бахрому».²⁴ (Мильо в будущем станет наполеоновским генералом, знаменитым командиром тяжелой кавалерии.)

В результате, если за 30 лет старого порядка (с 1759—1789 г.) было только 11 случаев разжалования генералов, а от-

¹³ Ibid. P. 25.

¹⁴ Herlaut. La républicanisation des états-majors et des cadres de l'armée pendant la Révolution // Annales Historique de la Révolution Française. 1937. N 87. P. 388.

¹⁵ Ibid. P. 390.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Herlaut. La républicanisation des états-majors. . . P. 394.

¹⁸ Chardigny L. Les maréchaux de Napoléon. Paris, 1977.

¹⁹ Tulard J. Napoléon. Paris, 1977. P. 83.

²⁰ Castellet A. Bonaparte. Paris, 1983. P. 132.

²¹ Chardigny L. Les maréchaux. . . P. 45.

²² Macdonald. Souvenirs. Paris. S. a. P. 28.

²³ Ibid. P. 34—35.

²⁴ Chuquet A. Dugommier. Paris, 1904. P. 152.

странение же (suspension) вообще не применялось, то только за 1793 г. было разжаловано 59 генералов и отстранено 275, за 1794 г. — соответственно 54 и 77.²⁵

Всего же за время республиканского правления 1792—1799 гг. было отстранено от должности 420 генералов и разжаловано 167. Причем особенно выделяется вторая половина 1793 г. (только за эти 6 месяцев было осуществлено 230 отстранений от должности, десятки разжалований).²⁶

Отстранение или разжалование в значительном количестве случаев означало и арест (за 1793 г. было арестовано 198, а за 1794 г. — 75 генералов). Затем, как естественное продолжение, следовал суд. В 1793 г. был предан суду 31 генерал, а в 1794 г. — 63, причем из них осужден был 61. Большая часть осужденных была приговорена к смертной казни (за период революционного террора было казнено 54 генерала).²⁷

Отстранения, разжалования, производства, аресты, суды, снова производства следовали с головокружительной быстротой. Вот только несколько генералов, пожалуй, из самой знаменитой армии республики Самбро-Маасской.

Журдан Жан-Батист — подполковник волонтеров в 1791 г., дивизионный генерал в 1793 г., разжалован в январе 1794 г., восстановлен 10 марта... главнокомандующий Самбро-Маасской армией в том же году, победитель при Флерюсе.²⁸

Клебер Жан-Батист — гренадер национальной гвардии Бельфора в 1789 г., капитан волонтеров в 1792 г., в том же году произведен представителями народа Ребелем и Мерленом в чин полковника штаба; арестован и вызван в суд в Конвент 29 июля 1793 г., оправдан 17 августа того же года, бригадный генерал, а ровно через два месяца 17 октября произведен на поле боя в дивизионные генералы... через 40 дней разжалован, но... оставлен при исполнении своих обязанностей комиссаром Каррье.

Монтегю Анн-Шарль Бассе — дворянин, был офицером королевской армии (в отставке с 1788 г.), в 1789 г. записался солдатом в национальную гвардию, в 1792 г. подполковник, в 1793 г. бригадный генерал, в 1794 г. дивизионный генерал, разжалован 5 августа вследствие доноса, восстановлен 11 октября 1794 г.

Лекурб Клод-Жак — солдат королевской армии, капитан национальной гвардии в 1789 г., командир батальона волонтеров в 1791 г., сражался в Вандее, ранен, не раз отличился. 7 декабря 1793 г. арестован по доносу четырех офицеров, обви-

нен в том, что он «умеренный», оправдан 13 апреля 1794 г., 2 мая того же года — генерал.²⁹

Эти удивительные, причудливые судьбы не исключение. Из 36 генералов, командовавших соединениями Самбро-Маасской армии, 19 подвергались аресту или были разжалованы, отстранялись от исполнения обязанностей либо увольнялись со службы (нередко и то и другое вместе), а иногда и не один раз.

Внезапные падения чередовались со стремительными взлетами. В течение 1793—1794 гг. зафиксировано 43 случая производства в генералы сразу из... лейтенантов или капитанов.³⁰

В результате такой сильной встряски командных кадров произошёл коренной переворот в социальном составе высших офицеров. Как уже отмечалось, доля дворян среди них упала к январю 1794 г. до 22%.

Кто же составлял оставшиеся 78%? На этот вопрос ответить не так просто, как кажется. Несмотря на то, что известны в той или иной степени биографии практически всех генералов эпохи революции, далеко не всегда данные позволяют установить (даже приблизительно) социальное положение семьи, из которой происходит рассматриваемый персонаж.

Из 1139 генералов Революции и Империи, профессии родителей которых удалось установить, Жорж Сис выделил следующие группы: военные — 167; чиновники — 230; коммерсанты, фабриканты — 279; буржуа и собственники (?) — 92; юристы — 115; свободные профессии — 79; ремесленники, рабочие, слуги — 87.³¹

Несмотря на размытость и некоторую неопределенность данных категорий, ясно, что подавляющее большинство высших офицеров 1792—1814 гг. принадлежали к буржуазным слоям, среди которых трудно отдать предпочтение мелкой, средней или крупной буржуазии.

Оценка социального происхождения одновременно для генералов эпохи Революции и Империи, на наш взгляд, вполне допустима. Подавляющее большинство наполеоновских командиров корпусов, дивизий, бригад либо уже были генералами в революционную эпоху, либо находились в весьма солидных офицерских чинах, таких, как полковник или командир батальона (революция отменила звания майора и подполковника, командиры батальонов отныне имели звание, которое по своему наименованию точно соответствовало исполняемой функции — *chef de batallion*), социальный состав которых в эту эпоху мало отличался от такового высших командных кадров.

²⁵ Six G. Les généraux... P. 203, 215.

²⁶ Ibid. P. 204.

²⁷ Ibid. P. 229.

²⁸ Char digny L. Les maréchaux de Napoléon. P. 457.

²⁹ Six G. Dictionnaire biographique...

³⁰ Six G. Les généraux... P. 115.

³¹ Ibid. P. 320.

На основе данных Сиса, Шардиньи, Шюке³² мы проанализировали социальное происхождение высших офицеров, уже упоминавшейся Самбро-Маасской армии, служивших в ее рядах в июне 1794 г., т. е. во время коренного поворота в ходе войны в пользу Республики и знаменитой победы под Флерюсом (26 июня).

Из 36 генералов только трое — выходцы из дворянских семей, это Атри, де Монтегю и д'Опуль; один (Буассе) — сын финансиста, один (Лекурб) — сын офицера недворянина; восемь — из мелкобуржуазной среды, двое — Дюбуа и Мюллер — сыновья ремесленников; что же касается остальных восемнадцати (о происхождении еще одного генерала — Бонне, нет сведений), известно только, что они в раннем возрасте поступили солдатами в королевскую армию, причем практически все служили в течение многих лет (Фюзье записался солдатом в 1776 г., стал сержантом в 1780 г. и только через 10 лет получил звание *adjudant* (старший унтер-офицерский чин); Ришар служил солдатом и унтер-офицером в течение почти 30 лет — с 1759 по 1789 г.; Понсе — 13 лет и т. д.). Таким образом, это, без сомнения, выходцы из мелкобуржуазных семей, семей ремесленников, не исключено, что и из семей крестьян и рабочих. Хотя, разумеется, было бы математически некорректно обобщать результаты этого приблизительного анализа во всех нюансах на армию в целом, тем не менее общая качественная оценка несомненна — якобинская диктатура активно способствовала передаче командования армией в руки представителей мелкой и средней буржуазии.

Большую роль в этом сыграл уже упоминавшийся военный министр полковник Бушотт, выражавший волю якобинцев в области кадровой политики. Примыкая к левому крылу якобинизма, Бушотт тем не менее отклонял требования Эбера о поголовном исключении дворян из армии и прохладно относился к солдатским петициям, в которых, как, например, в письме канониров армии Пиренеев, требовалось, чтобы были отстранены все генералы и заменены добрыми патриотами, «такими, как наш капитан».³³

Однако Бушотт был неумолим в отношении всех подозрительных, отправлял на суд революционного трибунала не подчиняющихся или недостаточно преданных. Бушотт смело, а подчас слишком смело выдвигал людей на посты. Отношение старых военных, искренне вставших на сторону Революции, к этим порой малообъяснимым чинопроизводствам ярко отражает письмо генерала Крига, коменданта Меца, к военному министру: «До тех пор пока я буду видеть во главе войск людей, ко-

торые всю жизнь занимались лишь ремеслом или коммерцией, или мелочной торговлей, я буду оплакивать судьбу армий Республики... Ваш метод чинопроизводства, гражданин министр, не может быть таковым, если Республика должна существовать. Сердце у меня обливается кровью, когда я вижу старых пьяниц, непригодных, наделенных всеми недостатками, которые вышли из кабаков, из грязи, из всех социальных пороков и поднялись до командиров, начиная от роты, кончая армией. Как вы надеетесь, что солдат будет иметь доверие к командирам этого типа, если в течение 30—40 лет им не осмеливались доверять артельную кассу четырех рядовых?»³⁴

Бушотт отвечал, что он вынужден брать людей, у которых «вначале кажется нет больших достоинств, но которые со временем их раскрывают и, наконец, которые имеют самое главное — желание действовать».³⁵

Опасения Крига не были безосновательными, и благодаря Бушотту среди генералов оказались такие, как Сюзамик, который, пробыв 14 лет унтер-офицером, ушел в отставку, но затем вернулся в строй батальона волонтеров, был избран капитаном, а затем 4 октября 1793 г. стал командиром батальона. На следующий день Бушотт внезапно сделал его бригадным генералом, несмотря на протесты представителей народа. Как раз в этот момент Сюзамик попросил отставки, так как почти ослеп и был неграмотным. Тем не менее он все-таки был произведен в генералы... чтобы через два месяца быть разжалованным за неспособность.³⁶

Ну и совсем уже комичный случай с другой креатурой Бушотта генералом Анри Латуром, который был арестован Гошем за то, что, «прибыв к армии Запада, нарушил линию аванпостов, пил и пел с гренадерами... заснул вместе с мясниками армии».³⁷

Однако не Сюзамик и Латур представляли типичный облик вождя республиканской армии. Наряду с досадными просчетами в период якобинской диктатуры выдвинулась целая плеяда талантливейших полководцев, столь многочисленная, что, пожалуй, трудно найти другую армию, где в течение нескольких лет перебивало бы столько блестящих дарований на командных постах. Это знаменитые Гош, Марсо, Дезе, Клебер, Дюгомье, Бонапарт, Массена, Лекурб, Моро, Жубер и многие другие. В большинстве своем эти звезды первой величины полководческого искусства были молоды. Они опирались на прочную фалангу генералов солидного возраста, имевших огромный военный опыт и вышедших с низших командных должностей, из среды тех, кто, несмотря на всю свою безупречную и пре-

³² Six G. Dictionnaire biographique... Chardigny L. Les maréchaux... Chuquet A. Dugommier...
³³ Hérault. La républicanisation des états-majors... P. 389.

³⁴ Ibid. P. 396.

³⁵ Ibid. P. 397.

³⁶ Six G. Les généraux... P. 109.

³⁷ Ibid. P. 179.

данную службу, едва ли мог при королевском режиме мечтать о более высоком командном poste, чем командир роты гренадер.

Уже в начале 1793 г. 80% генералов имели в своем послужном списке не менее 25 лет службы, и только 4% служили не более 15 лет.³⁸

К этим испытанным командным кадрам, порой, возможно, не столь ярко вошедшим в летопись побед республики, относятся Монсей, Перишон, Серюрье, Дагобер, Дюбуа, Бейран, Косс, Шарле, Фюзье, Ла Барр, Соре и сотни других.

Практика — лучший критерий истинности теоретической концепции, и насколько правильна и эффективна была политика республиканского правительства в годы якобинской диктатуры в области формирования командных кадров, показали боевые действия. Победы при Хондсхооте, Ватиньи, Монтань-Нуар, Гайсберге, Флерюсе, Альденховене, Туркуэне и более чем в сотне других боев и сражений, взятие 106 крепостей и городов, продвижение вперед на всех фронтах, раскол вражеской коалиции — и все это лишь за 17 месяцев. Подобные успехи, хотя и были одержаны благодаря целому ряду факторов, были бы немислимы без прекрасных высших командных кадров.

Будущий маршал Империи Сульт (бригадный генерал в конце 1794 г.) так описывал своих начальников и товарищей по оружию этого периода: «...служба была единственным занятием, единственным предметом соревнования. Во всех чинах тот же порыв, то же желание идти далее того, что предписывает долг; если один отличался, то другой старался превзойти его своей храбростью, своими талантами, своими делами; посредственность нигде не находила поддержки. В штабах — бесконечная работа, охватывавшая все области службы, и тем не менее считалось, что ее недостаточно, мы желали принять участие во всем, что происходит. Я могу сказать, что это период моей службы, когда я более всего работал и когда начальники казались мне более всего требовательными».³⁹

Эти генералы дрались «с той настойчивостью, которая считает, что ничего не сделано, пока что-нибудь остается сделать, с тем самоотвержением, которому одна смерть полагает предел... Они давали каждое сражение как если бы оно было решительное, они делали каждое усилие так, как будто оно было последнее», — так о республиканских полководцах отзывался их враг — эмигрант, автор небольшой книги «Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г.».⁴⁰

Когда пуля тирольского стрелка сразит под Альтенкирхеном генерала Марсо, одного из самых замечательных вождей рес-

публиканской армии, лучшие австрийские военачальники и среди них знаменитый эрцгерцог Карл придут, чтобы отдать последние почести телу молодого французского полководца, а гусары Барко и Бланкенштейна будут спорить, кому принадлежит честь эскортировать останки Марсо до французских позиций (поле боя, где был смертельно ранен Марсо, осталось за противником). И эта оценка неприятелем мужества, талантов и благородства генералов революции лишь один пример того, как высок был их престиж.

Высшие командные кадры были созданы в короткое время и в тяжелейшей обстановке, поэтому неизбежны были перегибы и ошибки. Несмотря на все, в течение 1792—1794 гг. штабы армий почти полностью обновились. Французский королевский генералитет, генералитет феодальной армии, сменился новыми буржуазными командными кадрами, социальный состав которых, система иерархических взаимоотношений, ментальность были совершенно иными. Эти резкие изменения в облике генералитета соответствовали общей перестройке армии в целом, которая была не менее радикальна и наиболее решительно осуществлялась в годы якобинской диктатуры. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что изменения в военной системе Франции в эту эпоху являются проекцией тех общих структурных изменений в социальной трансформации, которые происходили в этот период в обществе в целом и одновременно являются еще одним подтверждением концепции Великой французской революции, которую марксистская историография выработала в борьбе с современным историческим ревизионизмом.

Некоторые тематически связанные материалы

М.Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_bukov.pdf

М.Рейнар. О революционной роли армии в период французской революции 1789 г.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arme_reinhard_fe-61.pdf

А.Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf

Г.Кизурадзе. Пробуждение армии
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arme_fe-84.pdf

³⁸ Scott S. The response of the royal army... P. 202.

³⁹ Soult L. N. Mémoires. Paris, 1854. T. 1. P. 198—199.

⁴⁰ Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г. СПб., 1808. С. 8.